

В. Ф. Спиридовон

ORCID: 0000-0001-5081-879X

✉ vfspiridonov@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

ПОЧЕМУ ПАМЯТЬ?

Рецензия на: Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Нов. лит. обозрение, 2014. — 328 с.

Для цитирования: Спиридовон В. Ф. Почему память? // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 285–292. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-285-292>.

Благодарности. Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Рецензия поступила в редакцию 15 августа 2020 г.
Принято к печати 1 ноября 2020 г.

V. F. Spiridonov

ORCID: 0000-0001-5081-879X

✉ vfspiridonov@yandex.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

WHY “MEMORY”?

A review of: Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russian).

To cite this review: Spiridonov, V. F. (2021). Why “memory”? *Shagi / Steps*, 7(1), 285–292. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-285-292>.

Acknowledgements. The review was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Received August 15, 2020

Accepted November 1, 2020

Считать этот текст рецензией на поименованную монографию, конечно, не следует. В силу недостатка знаний я не берусь обсуждать собственно историческую часть книги. Это скорее попытка поделиться своим удивлением от прочитанного и в очередной раз указать на мнимо прозрачные, но на деле удивительно жесткие межпредметные границы между различными науками или мировоззрениями их адептов.

Память и забвение (забывание) — устойчивая тема строгих психологических исследований, начиная с 1880-х годов, когда Г. Эббингауз [Ebbinghaus 1885], систематически экспериментируя на себе, первым описал «кривую забывания» — закономерность, в соответствии с которой забывается бессмысленная (не обладающая смыслом для испытуемого) или плохо понятная информация. На протяжении нескольких последующих десятилетий психологи осознали, что память (по крайней мере ее высшие формы) не может быть расположена только «под кожей» (например, в мозге). Теории памяти включили ее в межличностную коммуникацию и групповое взаимодействие [Janet 1928] и добавили в ее структуру культурные средства [Выготский 1983]¹. В итоге память «стала» социальной и культурной, т. е. опирающейся на соответствующие задачи и контексты, обслуживающей скрепленные с ними формы опыта. (Но это не отменяет и ее связи с мозгом.) Автор рецензируемой книги многократно сочувственно ссылается на идеи М. Хальбвакса (например, о «рамках памяти» — социальном давлении, формирующем индивидуальную память), но указанные выше психологические работы идут гораздо дальше: социальное оказывается «вшито» не в содержание, а в сам механизм работы индивидуальной памяти.

Однако главное свойство памяти осталось неизменным — это индивидуальная способность. Она связана с моим индивидуальным мозгом (или с сенсомоторным опытом — моими движениями и ощущениями — как утверждают современные теории воплощенного познания), она формируется в ходе моего индивидуального развития, вбирая в себя мой индивидуальный опыт, но не только его. Это моя память в буквальном смысле слова.

Такой сильный тезис даже привел к описанию нового вида памяти и острой дискуссии по поводу его существования/несуществования.

Э. Тульвинг [Tulving 1993] указал на необходимость выделения в структуре человеческой памяти особого отдела, который он назвал эпизодической памятью. Она «позволяет человеку запоминать события как пережитые им самим. Это позволяет человеку осознавать ранее пережитый в определенной ситуации опыт. Таким образом, можно сказать, что информация из эпизодической памяти охватывает опыт человека в субъективном времени и пространстве» [Тульвинг 2011: 300]. Память на «нейтральные» знания, не имеющие прямого отношения ко мне, — семантическая память — содержит информацию, отражающую объекты и их отношения в мире. Различия между эпизодической и семантической памятью кардинальные. «Акт воспоминания лично пережитого события, а именно, сознательная попытка его вспомнить, отличается характерным и неповторимым осознанием переживания заново здесь и сейчас того, что произошло раньше, в другое время и в другом месте.

---

¹ Эта работа, по-видимому, была написана в конце 1920-х годов.

Осознание и связанное с ним чувство хорошо знакомы каждому нормальному человеку. (...) Я называю осознание, которое характеризует воспоминание собственного прошлого, *автоноэтическим* осознанием, которое отличается от *ноэтического* (здесь и далее курсив источника. — В. С.) осознания, характеризующего воспроизведение информации из семантической памяти...» [Там же: 301]. Таким образом, оказываются противопоставлены друг другу два рода воспоминаний: события моей биографии, т. е. случившиеся непосредственно со мной (эпизодическая память), и любые другие события (семантическая память). Первые мы «помним», вторые — «знаем».

Попробуем посмотреть с точки зрения описанной позиции на взгляды, изложенные в монографии А. Ассман.

Во введении автор пишет: «Настоящая книга (...) рассматривает (...) в каком виде и каким образом происходят индивидуальные воспоминания, как разделяется или замалчивается коллективный опыт, как он получает публичное признание, снова и снова реконструируется в медиальных формах и ритуальных презентациях. При этом особое внимание уделяется психическим диспозициям индивидуумов или социумов, политическим и культурным условиям, в которых протекают мемориальные процессы, а также выявлению закономерностей и сопоставимости этих процессов» (с. 11). Таким образом, авторский замысел вполне допускает приложение психологической «мерки» (психологических определений памяти) к его концепции. Более того, контрапозиция между активностью и пассивностью (между неизменным прошлым и гибким прошлым, которым «дирижирует настоящее» (с. 13)) вызывает живой отклик у психологов, все более и более уверенных, что память — конструктивный процесс (см., например: [Bartlett 1932]).

Первые недоумения возникают при чтении раздела 1 «От индивидуального к коллективному конструированию прошлого», которому мы и посвятим основное внимание. Рассуждая о том, что индивидуальное «я» всегда есть часть какого-то группового «мы», автор постулирует, что «индивидуальная память вмещает в себя гораздо больше, нежели содержание собственного неповторимого опыта; в человеке всегда совмещаются индивидуальная и коллективная память» (с. 19). Первая часть цитаты безупречна: теорема Пифагора или победа Наполеона при Аустерлице никак не могут быть моим неповторимым опытом, хотя вполне являются содержанием моей семантической памяти. Однако при чем тут *коллективная память*?

Вне всяких сомнений, автор волен пользоваться любой терминологией. Однако термин *память* в словосочетаниях *индивидуальная память* и *коллективная память* — явный омоним. В одном случае речь идет о констелляциях моего опыта: это неизбежно набор значимых фактов моей биографии и связанных с ними переживаний, но и умение кататься на коньках или играть в шахматы, знание о том, кто такой А. В. Суворов или что такое Холокост, и т. д., и т. п. В другом — о каких-то совсем иных материалах. Почему какие-то знания — пусть общие (похожие или даже совпадающие у разных людей) и при этом очень значимые — вдруг складываются во мне в коллективную память? Ведь при подобной логике рассуждений содержанием такой памяти помимо значимых исторических коллизий, интересующих автора, становится и родной язык, и десятичная система счисления, и правила левостороннего до-

рожного движения в Москве, Мюнхене или Париже (в зависимости от места жительства) и еще много другого.

Далее автор в духе современных исследований когнитивной психологии указывает на непреходящую значимость и в то же время удивительную слабость и избирательность индивидуальной памяти, которая выступает основой личной биографии, однако при этом скорее видоизменяет личный опыт удобным образом, чем просто фиксирует его. «Можно сказать, что индивидуальная память является динамичным средством проработки индивидуального опыта. Но, разумеется, нельзя представлять ее себе в качестве самодостаточной и чисто приватной памяти» (с. 21).

Причину того, что моя память не является приватной, автор видит в том, что она опирается на социальный фундамент — например, на совместные воспоминания нескольких поколений семьи. Ведь у каждого поколения — память своя. «Дети и внуки включают часть воспоминаний старших членов семьи в состав собственного опыта, где смешиваются услышанное и пережитое. Эта “память трех поколений” является экзистенциальным горизонтом личных воспоминаний, оказывая решающее влияние на собственную ориентацию человека во времени» (с. 22). Не отрицая важной роли семьи в формировании личности (включая возникновение разных форм идентичности), хочется внимательнее присмотреться к сформулированному тезису.

Существуют ли совместные воспоминания? Безусловно: это память о совместно пережитых событиях (здесь мы обнаруживаем автоноэтическое осознание). Однако рассказы старших поколений «о делах давно минувших дней» — это явно другая материя. Я помню скучные рассказы моих дедов о Великой Отечественной войне. Совместным воспоминанием является очень редкая в моем случае ситуация живой беседы деда и孙. Сама война продолжает оставаться предметом другого рода, недоступным для моей эпизодической памяти. Автор здесь явно смешивает два разных вида памяти (в смысле Тульвинга), о которых шла речь выше. Умолчания в тех разговорах для меня сегодняшнего значительно более информативны, чем слова о фронтовых буднях. Но почему мои практически «книжные» знания о страшной войне вдруг становятся коллективной памятью? Почему речь вообще идет о памяти? Что входит в состав (или содержание) коллективной памяти меня и моих дедов, которых я почти не застал в своем сознательном возрасте? Ведь автор явно имеет в виду не тот набор общих для нас «нейтральных» фактов о том, что 22 июня 1941 г. в четыре часа утра фашистская Германия, нарушив договорные обязательства, напала на СССР, и т. п.

Обсуждая резкую критику понятия коллективной памяти вплоть до отрицания существования самого этого феномена (с. 26), автор предлагает новое определение, где «в центре внимания оказываются два фактора: вневременная сила воздействия визуальных образов или символов, а также их историческая сконструированность» (с. 28). При этом «культурологическое изучение памяти ставит своей задачей не только описание и объяснение воздействия образов и символов, но и их критическую оценку, а также рассмотрение их деструктивного потенциала» (с. 28). Критическая оценка и деструктивный потенциал образов лежат за пределами компетенции психолога. Но определение памяти через воздействие устойчивых образов и символов — это повод для не-

доумения. Еще раз: почему возмущение или гнев, которые возникают во мне как результат услышанного рассказа о несправедливости, которую претерпели мои соотечественники или даже члены моей семьи, является памятью? В каком смысле восторг, который я переживаю при разглядывании фотографий победного гола нашей сборной по футболу, забитого еще до моего рождения, следует называть памятью? Список подобных вопросов можно множить и множить.

Ситуацию не спасает и выделение трех измерений (или уровней) памяти — нейронной, социальной и культурной, которые тесно связаны с друг с другом (с. 29) (повторюсь: в наличии социальной и культурной подоплеки у индивидуальной памяти сомнений нет). Вопросы остаются прежними. Автор пишет: «Если социальная память является *скоординированной памятью отдельных индивидов*, что обеспечивается их совместным проживанием, речевой коммуникацией и дискурсами, то коллективная и культурная память основываются на ресурсе опыта и знаний, который *отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители*» (с. 31). И далее: «Чрезвычайное расширение горизонта на уровне культурной памяти возможно только с помощью символических медиаторов, которые дают памяти долгосрочную опору. Во-первых, символы, являющиеся носителями культурной памяти, экстернализированы и объективированы. Они репрезентируют “развоплощенный” опыт, заимствуемый и усваиваемый другими индивидуумами, которые лично не приобрели этого опыта. Во-вторых, временной диапазон культурной памяти не ограничивается периодом индивидуальной жизни и потенциально может быть продлен до бесконечности. Временной диапазон культурной памяти соответствует не длительности жизни человека смертного, а периоду сохранности знаков, зафиксированных материально и институционально. В-третьих, развоплощенные и вневременные смыслы культурной памяти должны быть заново состыкованы с живой памятью и усвоены ею» (с. 32).

Вне всяких сомнений, внешние смыслы и символы могут вызывать во мне, как и во многих других людях, самые разные состояния: страха, гордости, приобщенности к семье, школьному классу или целому народу. Это воздействие кратко усиливается при использовании специальных практик (кажется, что самыми влиятельными среди них являются семейное воспитание, школьное обучение и политическая пропаганда). Причем индивидуальная память не слишком сопротивляется практикам социального или политического конструирования прошлого — и будущего. Ведь парадоксальным образом будущее тоже лежит в памяти.

Однако что значит «быть заново состыкованным с живой памятью»? По-видимому, речь идет о том, что в результате школьного курса истории, рассказов родственников или государственной пропаганды я начинаю переживать свою сопричастность определенным социальным группам, лозунгам, именам и событиям и, главное, гордиться этой сопричастностью или считать ее само собой разумеющейся. Кажется, что здесь слиты два ряда явлений: память (и семантическая, и эпизодическая) предоставляет информацию об именах и событиях, применительно к которым возникают мои чувство сопричастности и гордость. Но вот они — явления совсем другого рода.

Некоторые культурные артефакты и ритуалы имеют интересное свойство: они оказывают воздействие на психику человека, т. е. способны вызывать (или как писали философы и психологи-марксисты, «производить») какие-то состояния. Более того, воздействия такого рода могут быть и вполне прогнозируемые, и даже целенаправленно управляемы. Кажется, что именно такого рода явления и имеет в виду автор разбираемой книги. Словесное оскорбление обижает адресата (его можно оскорбить и выпадом против предметов его идентификации, а не его личных черт), марш ритмизирует и упорядочивает движение группы людей, фильм ужасов пугает зрителей, свежий анекдот вызывает смех, напряженный экзамен — тревогу, удачная знакомая цитата позволяет опознать близкого по духу или по образованию человека, футбольные болельщики «болеют» за свою команду, обсуждая ее прошлые и настоящие игры и их результаты, в дни национальных праздников граждане страны испытывают гордость за славное прошлое своей державы и не любят вспоминать ее поражения и неудачи. Неужели все перечисленное является феноменами памяти, причем — коллективной («...«коллективным» можно назвать формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей «Мы»-идентичностью. Это относится особенно к «национальной» памяти, которая является разновидностью «официальной» или «политической» памяти» — с. 33–34). Кажется, что нет.

Я догадываюсь, что большая часть моих контрпримеров не приходит в голову исследователю-историку (даже читавшему некоторые когнитивные публикации), препарирующему свой о с о б й предмет. Но если уяснить, что арифметика, родной язык, правила поведения на первом свидании, умение различать на слух мяуканье кошек и лай собак и многое-многое другое также входят в условную коллективную память наряду с «национальной» или «политической» памятью, т. е. способны помогать нам производить состояния, мысли, чувства, то памятью становится буквально все. Вряд ли такой поворот входил в замыслы автора обсуждаемой книги. По-видимому, коллективную память разумно считать просто м е т а ф о р о й, позволяющей прояснить некоторые аспекты группового поведения.

У меня нет намерения поставить под сомнение авторскую концепцию. Более того, в психологии есть вполне рифмующиеся с ней идеи (скажем, связанные с понятием автобиографической памяти, см., например: [Нуркова 1996]). Однако указания на визуальные образы и символы, равно как и на сконструированность и эмоциональную нагруженность наших представлений о родной истории, явно недостаточно, чтобы удержать понятие коллективной памяти, которое, по-моему мнению, легко рушится. Все-таки переживать или помнить как свое реальное прошлое содержание чужих воспоминаний, художественных фильмов или литературных произведений кажется невозможным (или по меньшей мере странным). Хотя гипотеза о том, что некоторые фрагменты семантической памяти в специальных условиях могут стать похожими на фрагменты эпизодической, вполне заслуживает внимания (и даже имеет эмпирические подтверждения [Loftus 2002; 2003]).

В качестве определенного итога можно перечислить свойства индивидуальной памяти, которые не находят себе места в рамках обсуждаемой метафоры. Итак, индивидуальная память — это индивидуальная способность,

которая опирается на приобретенные знания (в том числе эпизодические) и в значительной степени лишена возможности произвольного конструирования и произвольной очистки своего содержания. То есть конструирование и очистка содержания, конечно, происходят, но не имеют целенаправленного и управляемого характера. (Вообще мне известен только один хорошо изученный пример человека, который научился произвольно забывать информацию [Лурия 1968].)

Таким образом, чтобы избежать омонимии и обойтись без сомнительного «гегельянства», разумно писать коллективную «память» в кавычках и обсуждать ее соответствующим образом.

Литература

- Выготский 1983 — Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–329.
- Лурия 1968 — Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М.: Изд-во Мос. ун-та, 1968.
- Нуркова 1996 — Нуркова В. В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журнал. Т. 17. № 2. 1996. С. 16–29.
- Тульвинг 2011 — Тульвинг Э. Что такое эпизодическая память? / Пер. с англ. М. Дядюновой // Когнитивная психология: История и современность / Ред.-сост. М. В. Фаликман, В. Ф. Спиридовон. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 232–237.
- Bartlett 1932 — Bartlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.
- Ebbinghaus 1885 — Ebbinghaus H. Über das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.
- Janet 1928 — Janet P. L'Évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928.
- Loftus 2002 — Loftus E. F. Memory faults and fixes // Issues in Science and Technology. Vol. 18. No. 4. 2002. P. 41–50.
- Loftus 2003 — Loftus E. F. Our changeable memories: Legal and practical implications // Nature Reviews: Neuroscience. Vol. 4. 2003. P. 231–234.
- Tulving 1993 — Tulving E. What is episodic memory? // Current Directions of Psychological Science. Vol. 2. No. 3. 1993. P. 67–70.

References

- Bartlett, F. C. (1932). *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge Univ. Press.
- Ebbinghaus, H. (1885). *Über das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie*. Duncker & Humblot. (In German).
- Janet, P. (1928). *L'Évolution de la mémoire et de la notion du temps*. Chahine. (In French).
- Loftus, E. F. (2002). Memory faults and fixes. *Issues in Science and Technology*, 18(4), 41–50.
- Loftus, E. F. (2003). Our changeable memories: Legal and practical implications. *Nature Reviews: Neuroscience*, 4, 231–234.
- Luriia, A. R. (1968). *Malen'kaia knizhka o bol'shoi pamiati (Um mnemonista)* [The mind of a mnemonist: A little book about a vast memory]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

- Nurkova, V. V. (1996). Avtobiograficheskaiia pamiat' kak problema psikhologicheskogo issledovaniia [Autobiographical memory as a problem of psychological research]. *Psichologicheskii zhurnal*, 17(2), 16–29. (In Russian).
- Tul'ving, E. (2011). Chto takoe epizodicheskaiia pamiat'? [Trans. from Tulving, E. (1993). What is episodic memory? *Current Directions of Psychological Science*, 2(3), 67–70]. In M. V. Falikman, V. F. Spiridonov (Eds.). *Kognitivnaia psikhologiiia: Istoriiia i sovremennost'* (pp. 232–237). Lomonosov". (In Russian).
- Vygotskii, L. S. (1983). Istoriiia razvitiia vysshikh psikhicheskikh funktsii [Genesis of higher mental functions]. In L. S. Vygotskii. *Sobranie sochinenii* (Vol. 3, pp. 5–329). Pedagogika. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Владимир Феликсович Спиридовон
доктор психологических наук
зав. Лабораторией когнитивных
исследований, факультет психологии,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (495) 956-96-45
✉ vspiridonov@yandex.ru

Information about the author

Vladimir F. Spiridonov
Dr. Sci. (Psychology)
Head of the Cognitive Research Lab,
Department of Psychology, Institute for
Social Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (495) 956-96-45
✉ vspiridonov@yandex.ru